

НЕВМѢНЕНІЕ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХЪ ПРИГОВОРАХЪ

ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

А Ф А Н А С І Я Р А З М О В И Ч А

БАРДЗКАГО.

Члена Екатеринославскаго Окружнаго Суда.

КІЕВЪ,

Типографія Д. С. Повальскаго, Михайловская улица, д. № 18.

1897,

Дозволено цензурою Кієвъ, 13 Января 1897 года.

За исходную точку настоящаго изслѣдованія я принимаю то признанное огромнымъ большинствомъ извѣстныхъ русскихъ судебныхъ дѣятелей во время совѣщанія Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ (съ 29 по 31 Декабря 1894 г.) и констатированное руководителемъ этого совѣщанія Сенаторомъ А. Ѳ. Кони—положеніе, что, по дѣятельности своей, судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ той формѣ, въ которой онъ установленъ суд. уставами 1864 г., не только является вполне удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собою лучшую и самую желательную форму суда, какую только можно себѣ представить, для разрѣшенія большей части уголовныхъ дѣлъ ¹⁾. Положеніе это признано и огромнымъ большинствомъ представителей русской юридической литературы съ Г. Генераль-Прокуроромъ Статсъ-Секретаремъ Н. В. Муравьевымъ во главѣ. Только признавъ это положеніе безспорнымъ и рѣшеннымъ окончательно, я перехожу къ интересующему меня вопросу: о правѣ судей вообще (а слѣдовательно и присяжныхъ засѣдателей) невмѣнять обвиняемому содѣянное имъ преступленіе или проступокъ въ вину по внутреннему своему убѣжденію внѣ случаевъ, указанныхъ въ 92 ст. нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ и въ 33—39 ст. новаго угол. уложенія по проекту редакціонной комиссіи, и о томъ, насколько пользованіе этимъ правомъ вредно или полезно отражается на отправленіи уголовного правосудія.

І.

Не только противники суда присяжныхъ, но и многіе изъ лицъ, вполне сочувствующихъ въ принципѣ этому институту, какъ на одинъ

¹⁾ Сообщение А. Ѳ. Кони. (Ж. М. Ю. 1895 г. кн. IV стр 47).

изъ весьма существенныхъ недостатковъ этого учрежденія указываютъ на констатированный статистикой цѣлый рядъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей при наличности признанія подсудимаго или вообще при безспорности совершенія имъ преступленія и при отсутствіи законныхъ (92 ст. ул. о нак.) причинъ невмѣненія. Поэтому я долгомъ считаю оговориться, что при изслѣдованіи настоящаго вопроса я буду имѣть въ виду не спорныя уголовныя дѣла, а только и исключительно отрицаніе присяжными засѣдателями безспорныхъ и доказанныхъ фактовъ и обстоятельствъ.

1. Первый въ этомъ отношеніи упрекъ суду присяжныхъ сводится къ тому, что, хотя на судѣ и должны царствовать правда и милость, но, обязательно та и другая вмѣстѣ, а не одно лишь милосердіе. Правда-же можетъ быть только одна и если черное назвать бѣлымъ, а бѣлое чернымъ—то это будетъ не правда—а ложь. Поэтому, нельзя назвать основаннымъ на правдѣ приговоръ, которымъ признается, что укравшій—не воръ, лишившій умышенно жизни своего ближняго—не убійца и что подчистившій на вексель сумму долга—не виноватъ въ подлогѣ. Это не правда—а абсурдъ. Не можетъ измѣнить этого положенія и то соображеніе, что большинство такихъ оправданій составляютъ результатъ чувства гуманности, жалости и состраданія присяжныхъ засѣдателей къ подсудимому; что они постановляютъ такіе приговоры съ цѣлью избавить подсудимаго отъ слишкомъ тяжелаго, по ихъ мнѣнію, наказанія.—Не можетъ потому, что оправданія такіа вовсе не соотвѣтствуютъ не только настоящему смыслу закона, но и понятію той „милости,“ о которой говорилось выше. Милость идущая рядомъ съ правдой, имѣетъ свои предѣлы. Она совершенно свободно можетъ выразиться какъ въ невмѣненіи по установленнымъ въ законѣ причинамъ, такъ равно въ признаніи осужденнаго заслуживающимъ снисхожденія; въ случаяхъ-же исключительныхъ, особенно выдающихся—она находитъ свой исходъ въ представленіи участі осужденнаго къ Монаршему милосердію—помилованію. Да наконецъ, судъ есть учрежденіе, призванное воздавать всякому по его дѣламъ и заслугамъ, а не заниматься благотворительностью. ¹⁾ Правда, бываютъ случаи, когда присяжнымъ засѣдателямъ крайне тяжело изречь приговоръ, коимъ

¹⁾ Сравни. Н. В. Муравьева: „О судебной службѣ“ Юрид. Вѣст. 1886 Сент. стр. 89 и рѣчи въ Петрозаводскѣ 29 Мая 1894 г. и въ Оренбургѣ 18 Іюня 1894 г. при открытіи Окружныхъ Судовъ. А. О. Кони „Судебныя рѣчи“ стр. 708, 492, 493.

должна быть сломана, разбита, уничтожена вся жизнь человека, никогда раньше не совершавшего—кромѣ инкриминируемаго—никакого другого преступленія. Но что-же дѣлать? А развѣ Судебный Приставъ, описывающій за долгъ завѣдомаго хотя неувличеннаго ростовщика послѣднія крохи бѣдной вдовы—не испытываетъ всей тяжести исполненія этой своей обязанности? Развѣ не тяжело бываетъ свидѣтелю излагать на судѣ факты и обстоятельства, долженствующіе уличить, скомпрометировать и погубить его хорошаго знакомаго, иногда друга, а семью его обречь безвинно на позоръ, разореніе и нищету? Всѣмъ имъ тяжело; но для того-то и принимается всѣми этими лицами присяга, чтобы она была опорой въ моментъ ихъ слабости и колебаній, щитомъ—за который должны отойти ихъ чувства сострадательности и сожалѣнія и увлекающій ихъ соблазнъ простить и помиловать. Да и само состраданіе—чувство условное: иногда гораздо менѣе страждущій и не заслуживающій истиннаго сожалѣнія подсудимый, благодаря своей ловкости, съумѣетъ болѣе разжалобить и расположить присяжныхъ въ свою пользу, чѣмъ другой дѣйствительно несчастный человекъ, но неумѣющій, или нерѣшающійся прибѣгнуть на судѣ къ слезамъ, экзальтированнымъ рѣчамъ и отчаяннымъ жестамъ. Развѣ казнить послѣдняго, миловать перваго, было-бы справедливо? ¹⁾ Не поможетъ тутъ и ссылка на т. н. „внутреннее убѣжденіе“ или „убѣжденіе совѣсти“, такъ какъ внутреннее убѣжденіе противопоставляется лишь теоріи формальныхъ доказательствъ. Судить по внутреннему убѣжденію—это значитъ имѣть право не повѣрить цѣлому ряду свидѣтелей, разъ они почему либо не внушаютъ судѣ довѣрія, и основать приговоръ на незначительномъ иногда, на первый взглядъ, но убѣдительномъ обстоятельстве; это значитъ—всякое существенное сомнѣніе истолковывать въ пользу обвиняемаго и осудить его лишь послѣ того, когда въ душѣ судьи сложилось полное несомнѣнное убѣжденіе, что преступленіе совершилъ именно онъ. Но будучи убѣжденнымъ, что человекъ укралъ—сказать ему: ты не воръ—какое-же это внутреннее убѣжденіе? При чемъ-же тутъ совѣсть? Это глумленіе и надъ внутреннимъ убѣжденіемъ и надъ совѣстью и надъ правосудіемъ! ²⁾

2. Но, оправдывая сознавшагося вора, или причинившаго своему сосѣду тяжкія раны голову рѣза—присяжные глумятся еще надъ по-

¹⁾ А. О. Кони „Судебныя рѣчи“ стр. 704, 705.

²⁾ Сравни. В. Ф. Дейтрихъ „О судѣ присяжныхъ“ Ж. М. Ю. 1895 годъ. кн. VI стр. 12. И. П. Закревскій „Судъ присяжныхъ и возможные реформы его“ Ж. М. Ю. 1895 г. кн. XII.

терпѣвшимъ отъ сихъ преступленій лицомъ, вызывая въ немъ понятное чувство озлобленія и недовѣрія къ правосудію. Его обокрали, тяжело обидѣли; въ моментъ совершенія преступленія сочувствіе всѣхъ — на его сторонѣ. Виновника возмутительной кражи или жестокой кровопролитной расправы разъяренная толпа готова была казнить чуть-ли не судомъ Линча. Но вотъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и потерпѣвшій въ судѣ правый и для всѣхъ равный несетъ свое горе и слезы; требуетъ удовлетворенія и возстановленія своихъ поправленныхъ и поруганныхъ правъ. Виновникъ его кровной обиды тутъ, на лицо, передъ справедливыми и нелицепріятными судьями. Сознавая всю тяжесть собранныхъ противъ него уликъ, онъ не считаетъ даже удобнымъ запыраться, а въ виду его признанія, вполне согласнаго съ обстоятельствами дѣла, судьямъ совѣсти, безъ дальнихъ проволочекъ, прямо предлагаютъ постановить свой вердиктъ, высказать свое справедливое, на внутреннемъ убѣжденіи основанное мнѣніе. И что-же? Судьи, только что принявшіе присягу судить по сущей правдѣ и не оправдывать виновнаго — на вопросъ о виновности подсудимаго, вопреки этой правдѣ и здравому смыслу — отвѣчаютъ: нѣтъ, онъ невиновенъ. Невиновенъ потому, что личность его судьямъ показалась симпатичной; не виновенъ потому, что угрожающее ему наказаніе слишкомъ, по ихъ, присяжныхъ мнѣнію, строго; наконецъ невиновенъ, потому что имъ судьямъ совѣсти такъ рѣшить было угодно. И потерпѣвшій, жертва преступленія, выходитъ изъ зданія праведнаго суда съ нравственной на лицѣ пощечиной, чуть не съ кличкой клеветника и лжедоносчика, и конечно съ чувствомъ озлобленія и возмущенія въ душѣ. Гдѣ-же тутъ справедливость, гдѣ-же правда? За что эти судьи совѣсти выгнали его изъ святилища суда безъ удовлетворенія; за что вмѣсто хлѣба — подали ему камень? Нужно поставить себя на мѣсто этого человѣка, нужно допустить, что это насъ самихъ ограбили, обманули, что это нашу жену, дочь, опозорили и что похваставшему этимъ подвигомъ своимъ герою судьи сказали: иди съ Богомъ, ты невиноватъ — чтобы понять сколько тутъ глумленія не надъ правосудіемъ только, но и надъ человѣческой личностью!

3. А что же сказать о положеніи оправданныхъ, дѣйствительно невинныхъ? Человѣка напрасно заподозрѣли, ошибочно привлекли къ суду, и посадили на позорную скамью. Всѣ старанія, всѣ усилія, все что могъ, употребилъ онъ для того, чтобы смыть съ себя невинно наброшенное пятно, чтобы доказать полную свою невинность. Сколько

жертвѣ для этого понадобилось, сколько потеряно здоровья, истрачено денегъ? Но труды и траты невинно заподозрѣннаго человѣка не пропали даромъ. На судѣ съ очевидной полнотой обнаружилась роковая ошибка, невинность подсудимаго доказана также точно, какъ дважды два четыре; больше: доказано, что онъ не только не совершилъ, но даже и не могъ совершить приписываемаго ему преступленія. Присяжные, почти не совѣщались, выносятъ ему оправдательный вердиктъ. Казалось бы все въ порядкѣ: человѣкъ признанъ невиннымъ, позорное пятно смыто на всегда. Чего же больше? Но вотъ нашъ герой ищетъ службы, мѣста; продолжительное нахожденіе подъ судомъ, конечно, не поправило его матеріальнаго положенія. Денежные ресурсы исчерпались. Ищетъ и на первомъ же шагу встрѣчается съ отказомъ, прикрашенномъ двусмысленной улыбкой, такъ прямо и говорящей: „Вѣдь вы-же, милый человѣкъ, судились за какую-то растрату; правда, васъ оправдали, но вѣдь кого только у насъ присяжные не оправдываютъ? По всей вѣроятности вы прослезились, разжалобили присяжныхъ и они васъ просто на просто—помиловали. Нѣтъ, у меня для васъ мѣста неимѣется.“ То ли еще не глумленіе надъ безвинно опозореннымъ человѣкомъ?

4. Но глумленіе это, распространяясь все дальше и дальше, подъ конецъ—какъ это ни странно—поражаетъ и самихъ присяжныхъ заседателей.

Воронъ ворону глазъ не клюетъ—гласить народная мудрость. Предложите охотнику до нечистой игры судить шулера, червонному валету—судить шайку жуликовъ и аферистовъ, или профессиональному конокраду—судить людей, обвиняющихся въ кражѣ лошадей; какой они вынесутъ приговоръ? Оправдывая сознавшагося вора или контрабандиста, судья какъ бы выражаетъ этимъ сочувствіе свое его поступку; онъ какъ бы признаетъ, что законъ, карающій этотъ поступокъ—несправедливъ, такъ какъ и онъ, судья—пожалуй—непрочь бы при извѣстныхъ условіяхъ совершить тоже. Человѣка судятъ—моль—за какіе-то пустяки. А вѣдь кто знаетъ, можетъ быть при случаѣ и я не прочь бы соблазниться подобными пустяками; такъ за что-же его карать и казнить? Вотъ какія мысли могутъ закрадываться въ голову посторонняго зрителя, какое пятно подозрѣнія набрасываютъ сами на себя (можетъ быть и совершенно напрасно и не основательно) судьи, оправдывающіе сознавшихся или явно уличенныхъ преступниковъ. Но подозрѣніе можетъ идти еще дальше. Какъ же такъ? Укралъ и

невиновенъ? Да нѣтъ ли тутъ какой либо закулисной стороны? Не задобрилъ-ли воръ судью? Не купилъ-ли за ту или другую цѣну его прощеніе? А можетъ быть подсудимый—крупный должникъ присяжнаго засѣдателя и, разстроивъ его дѣла обвинительнымъ приговоромъ, судья этимъ самымъ рискуетъ разорить себя? И т. д. и т. д. А развѣ подобныя догадки, или хотя бы только одна ихъ возможность, не подрываютъ авторитета института суда присяжныхъ, не умаляютъ довѣрія къ этому суду?

5. Но этого мало: развѣ, отбросивъ даже подобнаго рода предположенія и догадки о корыстныхъ побужденіяхъ, повліявшихъ на приговоры присяжныхъ засѣдателей, развѣ общество не имѣетъ права присяжныхъ, оправдывающихъ завѣдомыхъ преступниковъ, считать не блюстителями правосудія и закона—а напротивъ—нарушителями такового, больше того: преступниками? Оправдывая сознавшагося банкрота или членовредителя—они безусловно виновны въ попустительствѣ сихъ преступленій. вмѣстѣ съ тѣмъ они являются подстрекателями къ совершенію новыхъ подобнаго рода правонарушеній, вызывая въ предрасположенныхъ къ преступности лицахъ надежду: „ну чтожъ? все равно присяжные оправдаютъ!“ Присваивая себѣ не принадлежащее имъ право помилованія—они совершаютъ заразъ два преступленія: явное превышеніе власти и явное неправосудіе. Появись не оправдывать виновнаго и судить по сущей правдѣ, они отпуская, вопреки этой правдѣ и присягѣ, завѣдомаго вора съ миромъ—совершаютъ клятвoprеступленіе. Признавая угрожающее подсудимому наказаніе слишкомъ строгимъ и не соотвѣтствующимъ—по ихъ мнѣнію—его винѣ, и, какъ бы съ цѣлью исправленія закона, или совсѣмъ оправдывая подсудимаго или отвергая тѣ бесспорные фактическіе признаки, при наличности коихъ наказаніе полагается гораздо строже, они проявляютъ явное посягновеніе на присвоеніе себѣ непринадлежащей имъ законодательной власти. ¹⁾ вмѣстѣ съ тѣмъ претендуя вліять своими приговорами на отмѣну или измѣненіе законовъ—они вносятъ въ общество смуты и неуваженіе къ законамъ и къ постановившимъ таковыя власти!

6. Но, если всѣ вышеприведенные факты возмущаютъ чувство справедливости всякаго честнаго человѣка своей явной вопіющей не-

¹⁾ А. О. Кони „Судеб. рѣчи“ стр. 492, 493.—В. Ф. Дейтрихъ „О судѣ присяжныхъ“ ж 14 10 1895 г. в. XI стр. 9, 10 и слѣд.

справедливостью-то еще болѣе противъ произвола присяжныхъ засѣдателей вооружаютъ тѣ ихъ вердикты, гдѣ они, неоправдывая подсудимаго, съ цѣлью понизить слѣдующее ему наказаніе до желаемого ими минимума, отвергаютъ бесспорныя, признанныя и не вызывающія ничьего сомнѣнія обстоятельства. Оправдавъ сознавагося подсудимаго—присяжные по тѣмъ или другимъ причинамъ не вѣрили ему въ вину преступленія, имъ совершеннаго; но они нисколько этимъ не сказали, что преступленія этого онъ вовсе не совершалъ. Но чѣмъ же, кромѣ явнаго произвола объяснить такіе приговоры, когда присяжные засѣдатели, выслушавъ подробный рассказъ подсудимаго о томъ, какъ онъ сломалъ крѣпкій, большой, висячій замокъ у такой же крѣпкой дубовой двери или самую эту дверь, на вопросъ о его виновности отвѣчаютъ: да виновенъ, но замка у двери не ломалъ; или когда послѣ констатированнаго и подсудимыми не отрицаемаго факта, что отправляясь на кражу они взяли съ собой нарочно ломъ и топоръ присяжные вдругъ отвѣчаютъ, что подсудимые, хотя и виновны въ кражѣ, но при совершеніи ея, ни лома, ни топора, не имѣли? Какъ не изумляться приговору, въ которомъ присяжные подсудимому, сознавшемуся въ кражѣ 5000 руб. говорятъ: „да, ты виновенъ въ кражѣ, но на сумму менѣе 300 р.“ или когда они, разсмотрѣвъ дѣло объ убійствѣ лакеемъ своей госпожи—удостоверяютъ вдругъ въ приговорѣ своемъ, вопреки собственному признанію подсудимаго, что во время совершенія преступленія онъ въ услуженіи у своей жертвы вовсе не находился? ¹⁾ Разъ сами подсудимые извѣстные факты признаютъ и разъ факты эти ни въ комъ на судѣ не возбуждали ни малѣйшаго сомнѣнія, то какъ же судья, давшій присягу судить „по сущей правдѣ,“ можетъ признавать, что фактовъ этихъ вовсе не было. Тогда вѣдь, признавая за присяжными засѣдателями право для сбавки наказанія отвергать по своему усмотрѣнію все, что имъ угодно—можно дойти до такого абсурда, что на вопросъ о виновности сына, судимаго за убійство или изувѣченіе роднаго своего отца, присяжные отвѣтятъ, что этотъ сынъ вовсе не сынъ своего отца, или что убитый вовсе не убитъ, а находится въ живыхъ, хотя въ дѣйствительности онъ давно покоится въ могилѣ. Это уже не невѣреніе—а явная нелѣпость!

Невѣрная преступленія въ вину, присяжные признаютъ, что, хотя подсудимый въ оправданіе свое не можетъ сослаться ни на одну прямо въ законѣ указанную причину невѣренія; но что, совершая престу-

¹⁾ Сравн. приговоръ по извѣстному дѣлу объ убійствѣ Чарнецкой.

пленіе, онъ находился въ такихъ исключительныхъ условіяхъ; при наличности коихъ почти всякій обыкновенный средній человѣкъ поступилъ бы точно также. Отъ обыкновенныхъ людей—подвиговъ героизма требовать невозможно. Мать, доведенная до отчаянія крайней нуждой и болѣзнию ребенка—рѣшается похитить для него булку бѣлаго хлѣба; мужъ, страстно любящій свою жену, наноситъ ударъ ножомъ ловеласу, покушающемуся разстроить его семейное счастье; женихъ, обожающій свою невесту, съ цѣлью спасти ея отца, даетъ на судѣ заведомо ложное показаніе; нервный раздражительный человѣкъ оскорбляетъ чиновника, который своими съ внѣшней стороны законными, но въ сущности явно несправедливыми дѣйствіями доводитъ его до разоренія и т. д. и т. д.

Вотъ случаи, гдѣ судьи совѣсти, оправдывая, невмѣняютъ—такъ сказать въ вину. Но укравшему 1000 р. сказать, что онъ укралъ менѣе 300 р.—это что-то совершенно непонятное. Правда, бываютъ случаи, гдѣ на первый взглядъ безспорные факты въ глазахъ судьи могутъ показаться спорными: для потерпѣвшаго похищенная вещь стоитъ 500 р.; но, похищая ее, воръ, непонимающій ея качествъ, цѣнилъ ее несравненно дешевле и сбылъ менѣе чѣмъ за половину стоимости; признаніе подсудимымъ, что для совершенія кражи онъ сломалъ замокъ—не можетъ служить еще безспорнымъ основаніемъ для обвиненія, въ квалифицированной кражѣ, если на судѣ выяснилось, что замокъ этотъ былъ старый, заржавленный и что для вскрытія его достаточно было силы 10-ти лѣтняго ребенка. Это факты спорные о правѣ рѣшенія ихъ по внутреннему убѣжденію въ томъ или другомъ смыслѣ неможетъ быть никакой рѣчи. Рѣчь же здѣсь идетъ о тѣхъ явныхъ безспорныхъ фактахъ, отрицать которые присяжные засѣдатели почему то считают себя вправѣ, хотя въ дѣйствительности права этого вовсе не имѣютъ. Видѣть въ этомъ—какъ это имѣетъ мѣсто при невмѣненіи—торжество правды матеріальной—надъ правдой внѣшней, формальной—нельзя. Въмѣсто какой угодно правды—здѣсь на лицо только и исключительно ложь.

7) Но ничто такъ не возмущаетъ и не раздражаетъ даже не частныхъ къ правосудію лицъ, какъ та явная, ни чѣмъ не оправдываемая несправедливость, какую приходится наблюдать при сравненіи участи судимыхъ судомъ короннымъ и судомъ присяжныхъ засѣдателей. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Человѣкъ, толкаемый крайней нищетой, три дня неѣвшій, рѣшается на кражу; на подоконникѣ открытаго окна чужой квартиры—должно быть по забывчивости—оставленъ старый желтый самоваръ; если продать или заложить рубль, а то два на хлѣбъ вѣручишь. Три раза подходилъ нашъ воръ къ окну съ соблазняющимъ его самоваромъ—три раза совѣсть отталкиваетъ его назадъ (страшно). Но вотъ видитъ онъ: издали идутъ люди; подойдутъ—поздно будетъ, а можетъ это и хозяева квартиры. Воръ опрометью бросается въ окну въ 4-й разъ, громкіе шаги заглушили голосъ совѣсти, хватается самоваръ и убѣгаетъ, но на 3-й улицѣ его поймали и подъ судъ отдали. И судья, обязанный судить по убѣжденію своей совѣсти—приговорилъ его къ тюрьмѣ. За нимъ на всю жизнь—вличка острожника. А вотъ жуиръ, проигравшійся въ карты, съ откровеннымъ хладнокровіемъ запускаетъ руку въ кассу своего хлѣбодателя и „призанными“ оттуда 3000 руб. уплачиваетъ долгъ „чести.“ Его тоже судятъ, онъ не отрицаетъ своей вины (ея и нельзя отрицать, она доказана), но ссылается при этомъ на роковое стеченіе обстоятельствъ: среду, страсть, увлеченіе¹⁾ и другіе судьи, также на основаніи убѣжденія своей совѣсти, отпускаютъ его съ миромъ.

Мать мѣщанка, укравшая булку хлѣба для голоднаго ребенка, должна это свое материнское чувство окупить острогомъ. Но если бы таже мать вдругъ преобразилась въ неграмотную дочь дьячка—то уверуй она кромѣ булки хлѣба еще и оказавшуюся на прилавкѣ десятирублевку—можетъ рассчитывать выйти изъ суда оправданной.

Судятъ за простую кражу, спившагося, выбившагося изъ колеи, неимѣющаго опредѣленныхъ занятій дворянина и въ отвѣтъ на его сознание—говорятъ ему: „нѣтъ, ты не виновенъ.“ Тоже скажутъ ему и черезъ годъ или черезъ мѣсяцъ послѣ новаго такого-же увлеченія, такъ какъ судиться онъ будетъ опять за первую кражу (оправдательные приговоры въ списки о судимости не вносятся). И тутъ же сейчасъ, тѣ же судьи рѣшаютъ слѣдующее дѣло: это деревенскій паренъ обвиняется въ 4-й кражѣ. И тотъ приноситъ повинную голову; но вѣдь онъ рецидивистъ—какіе-же тутъ еще разговоры? Конечно: да, виновенъ и даже безъ всякаго снисхожденія. А между тѣмъ оправдай его судья за первую кражу—Господь знаетъ—не побывавъ за нее въ тюрьмѣ,

¹⁾ Сравни. у А. О. Конн „Суд. рѣчи“ стр. 708.

совершилъ-ли бы онъ, 2-ю и 3-ю? А теперь, иди въ арестантскія роты ¹⁾).

А вотъ человѣкъ поджогъ домъ, или сарай, зная что въ это время спать въ немъ люди, и сознавая, что если не сгорятъ, то задохнутся отъ удушливаго дыма. На судѣ онъ приноситъ повинную: говорить такъ задумчиво, съ такимъ увлеченіемъ перечисляетъ всѣ кровныя обиды, которыя затмили въ немъ въ моментъ совершенія поджога искру божію, заглушили совѣсть, вызвали сумасбродную жажду мести и — толкнули на роковое дѣло. Объясненіе заканчивается нервнымъ рыданіемъ и тронутые его исповѣдью судьи объявляютъ ему, что онъ вовсе въ поджогѣ не повиненъ. А другой (тоже вѣдь человѣкъ) тоже изъ мести сжегъ только мостъ на дорогѣ, или плетень сосѣда, а то даже по неосторожности обронилъ свѣчу на сѣновалѣ и случайно причинилъ пожаръ. Тотъ непременно и во что бы то не стало долженъ понести уготованное ему закономъ возмездіе.

Ложный доносчикъ, задавшійся цѣлью завѣдомо ложнымъ, но ловко обставленнымъ обвиненіемъ — погубить нравственно своего ближняго, разбить его жизнь, лишить его чести, свободы, семьи — можетъ съ большою вѣроятностью (даже при полной доказанности его вины) рассчитывать на оправданіе. Менѣе виновному, менѣе вредному и менѣе опасному клеветнику, позволившему себѣ только набросить тѣнь на честь ближняго, обвиняя его въ неблаговидномъ поступкѣ, или даже просто несдержанному на языкъ сплетнику — не миновать возмездія закона.

Свидѣтель по дружбѣ или злобѣ, по просьбѣ или по подкупу — поцѣловавъ крестъ и Евангеліе — солгалъ на судѣ; души своей не пожалѣлъ, отъ Бога отперся. И присяжные на вопросъ о его виновности, признавая, что ссылка въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ — наказаніе въ этомъ случаѣ слишкомъ строгое — отвѣчаютъ „нѣтъ не виновенъ.“ Солги онъ безъ присяги, наруши не клятву, а лишь простую гражданскую обязанность всякаго — говорить на судѣ правду — его участь безповоротно рѣшена: хорошо еще если ему удастся извѣдать лишь арестъ, а не тюрьму съ ея остающимся на всю жизнь позоромъ.

Увлеченный гнѣвомъ, въ пылу возмущенія и расходившихся страстей гражданинъ наноситъ другому гражданину ударъ палкой или случайно намернувшемуся ножомъ. Въ результатъ синякъ, ссадина, легкая рана и неизбѣжно арестъ, а то и тюрьма. Но если онъ, потерявъ

¹⁾ Сравни. у С. К. Гоголя. „Судъ присяжныхъ“ 1894 г. стр. 84.

обликъ человѣческій, въ видѣ разъяреннаго звѣря (а то и выскочивъ изъ засады изъ за угла) переломилъ своей жертвѣ руку и нѣсколько реберъ, вышибъ глазъ, а то и совсѣмъ прекратилъ ея земное существованіе, ему, при благопріятныхъ условіяхъ (хотя бы и при признаніи) судьи могутъ вынести оправдательный приговоръ. А бываетъ и такъ, что одинъ и тотъ—же поступокъ, одно и тоже злодѣяніе, совершенно при буквально одинаковой обстановкѣ и съ одинаковой долей злого умысла—сообразно съ тѣмъ, какъ дѣяніе это угодно будетъ квалифицировать и назвать врачу эксперту до суда—или должно быть непременно безусловно наказано, или—если квалифікація врача обазалось болѣе серьезной—можетъ быть виновному прощено.

Что—же это такое въ самомъ дѣлѣ? Премія что ли за храбрость? Привиллегія безнаказанности однимъ крупнымъ преступникамъ и беспощадная (иногда даже весьма чувствительная) казнь мелкимъ нарушителямъ закона? Но курьезнѣе то, что право на эту привиллегію даетъ иногда самый простѣйшій случай. Оказывается, что достаточно мѣди полежать немножко около золота, чтобы и самой стать настоящимъ золотомъ. Два проворовавшихся мужика—обязательно должны познакомиться съ прелестями осторожной жизни; но попади одинъ изъ нихъ въ пайщики или компаніоны барина, похити лошадь изъ конюшни или пальто изъ передней вмѣстѣ съ оборвышемъ столбовымъ дворяниномъ или хотя съ оберъ—офицерскимъ сыномъ и онъ пріобрѣтаетъ всѣ шансы быть оправданнымъ.

Хорошо-ли это? справедливо-ли это? должно-ли это въ самомъ дѣлѣ быть именно такъ?

А между тѣмъ, все это только потому, что въ то время, когда коронный судья, какъ бы симпатична ни была личность обвиняемаго, какъ бы не соотвѣтственно было наказаніе его дѣйствительной винѣ, какъ бы онъ не сочувствовалъ ему и не жалѣлъ его, долженъ при признаніи или вообще при доказанности вины, вынести обвинительный приговоръ; присажные же засѣдатели могутъ и пожалѣть, и пощадить, и помиловать. У меня нѣтъ статистическихъ данныхъ о количествѣ этихъ то осужденныхъ, то оправданныхъ, завѣдомыхъ преступниковъ (я считаю осужденныхъ не только Окружнымъ Судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, но и Мировыми Судебными учрежденіями); но вообще сколько-бы ни было тѣхъ и другихъ—какъ то жутко, больно и страшно установится при мысли—что въ то время, когда крупные преступники разгуливаютъ на свободѣ—мнѣе серьезными и важными

ихъ товарищами и собратьями по несчастью переполнены тюрьмы и арестныя помѣщенія.

Вотъ въ сущности—главнѣйшіе упреки и нареканія, направленные не вообще противъ института присяжныхъ засѣдателей, а противъ того „оправдательнаго“ направленія ихъ дѣятельности, которое въ виду очевидной незаконности и явной несправедливости этой дѣятельности поселяютъ въ сердцахъ гражданъ и чувство недовѣрія къ самому институту, и сознаніе нравственной неудовлетворенности.

Само собою разумѣется, противники суда присяжныхъ, пользуясь этимъ недовѣріемъ и неудовлетворенностью, начинаютъ вопить о потрясеніи основъ, о превращеніи судьями улицы храма правосудія въ вертепъ произвола и неправды, о „судебной республикѣ“ о „государствѣ въ государствѣ“, о посягательствахъ на права Верховной власти и проч. и проч. А затѣмъ подчеркивая каждый болѣе рѣзко выдающийся „оправдательный скандалъ“ кричатъ: „долой, упразднить, уничтожить!“¹⁾

Оставляя въ сторонѣ рѣчи и воли подобнаго рода самозванныхъ реформаторовъ и крикуновъ—нельзя, мнѣ кажется, однако же не признать, что такъ проявляющая свою дѣятельность уголовная юстиція—представляется не вполне нормальной, что организмъ ея проявляетъ на себѣ извѣстнаго рода болѣзненные симптомы, и что, слѣдовательно, разъ существуетъ болѣзнь, то необходимы для излеченія ея и лекарства.

Сравнивая эту необходимость, русскіе юристы выступили съ цѣлымъ арсеналомъ разныхъ проектовъ, мѣръ, измѣненій и нововведеній. Со всѣхъ сторонъ, отъ признанныхъ и непризнанныхъ врачей посылались рецепты излеченія констатированнаго недуга одинъ другого лучше, практичнѣе, цѣлебнѣе, дѣйствительнѣе и радикальнѣе.

Разборъ этихъ проектовъ и составитъ предметъ слѣдующей главы настоящаго труда.

Діагнозъ поставленъ, остается опредѣлить и назначить подходящее леченіе.

II.

Переходя къ изслѣдованію предлагаемыхъ мѣръ исцѣленія только что указаннаго недуга, я долгомъ считаю оговориться, что большинство

¹⁾ Сравни. Внутр. обозрѣніе въ «Вѣсти. Европы» за 1896 г. кн. III стр. 397.

изъ нихъ предложено не противниками суда присяжныхъ, а напротивъ, самыми ревностными защитниками этого института; но что, тѣмъ не менѣе, будучи направлены не противъ, такъ сказать, корня зла, а противъ отдѣльных лишь его проявленій и обуславливающихъ таковыхъ процессуальныхъ правилъ, многія изъ нихъ, если и могутъ вызвать сокращеніе и уменьшеніе числа явно неправильныхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей—то все-таки самой сущности вопроса не разрѣшаютъ. Съ другой стороны въ числѣ предлагаемыхъ мѣропріятій есть и такія, которыя, будучи направлены къ полному стѣсненію и ограниченію свободы рѣшеній присяжныхъ засѣдателей повели бы не къ улучшенію, а къ совершенному упраздненію этого института, а слѣдовательно врядъ-ли могутъ быть признаны достигающими цѣли. Послѣ такой оговорки приступаю къ разсмотрѣнію названныхъ мѣръ.

1. Самая, такъ сказать, капитальная мѣра, предлагаемая весьма извѣстными и опытными юристами ¹⁾, это: соединеніе представителей короннаго и народнаго суда въ одинъ общій составъ для совмѣстнаго разрѣшенія и вопросовъ факта и вопросовъ права. По поводу этого типа суда (за и противъ) было такъ много говорено, что наврядъ ли я былъ бы въ состояніи въ доводамъ обѣихъ спорящихъ сторонъ прибавить что либо новое и существенное. Поэтому, и ограничиваясь предѣлами занимающаго меня вопроса, позволю себѣ только замѣтить, что какимъ бы даже произволомъ и зломъ не считать оправдательные приговоры присяжныхъ при наличности факта совершенія подсудимымъ преступленія и при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣненія, подобнаго рода соединеніе судей—чиновниковъ и судей изъ народа въ общій составъ нисколько зла этого не устранилъ: или назначенные судьи *прикажутъ* народнымъ обвинить, и тогда объ участіи въ дѣлѣ суда народнаго, какъ поглощеннаго короннымъ судомъ и сведеннаго къ нулю, не можетъ быть и рѣчи: или же предоставятъ имъ полную свободу мнѣній, и тогда судьи народные поступятъ такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Такъ или иначе, а все-таки въ основаніе приговора ляжетъ не законъ, а случайное на той или другой сторонѣ большинство (количественное или качественное).

2. Въ нѣкоторой связи съ только что указанной мѣрой находится проектъ «Реформы суда присяжныхъ» предлагаемый М. А. Лозинскимъ ²⁾ и состоящій въ предоставленіи присяжнымъ засѣда-

¹⁾ Н. П. Закревскій «Судъ присяжныхъ и возможная реформа его» Ж. М. Ю. 1894 г.